

American historians. In British historiography the Napoleon's war with Russia in 1812 is considered as a stage in the development of the Anglo-French conflict, stressed Russia's role in the defeat of Napoleon, it is a deterrent in the system of European and world balance of forces. American authors pay special attention to studying of the reasons of defeat of Napoleon's army. However, common to the Anglo-American historiography is the desire to make an impartial consideration of the events of the Patriotic war of 1812, the desire to rationally explain and not emotionally to justify the actions of the participants of this great historical drama.

Key words: historiography, British historiography, American historiography, the Patriotic war of 1812, Russia, France, Napoleon.

А. В. Ладыгин

Ладыгин Александр Владимирович, ассистент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26).

ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА И ЛЕГАЛЬНАЯ РОССИЙСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Статья посвящена определению степени влияния российских печатных изданий на формирование общественного мнения и выработку внешнеполитического курса правящей элитой России в период франко-прусской войны 1870-1871 гг. Автор выявляет факторы, повлиявшие на трансформацию образа Германии и Франции в процессе войны, а также механизмы, с помощью которых писатели и журналисты внедряли образы воюющих держав в массовое сознание российского общества.

Ключевые слова: пресса, публицистика, общественное мнение, массовое сознание, внешняя политика, франко-прусская война 1870-1871 гг.

Франко-прусская война 1870-1871 гг. своим исходом привела к крупным изменениям в расстановке и соотношении сил на европейской арене и тем самым стала начальной вехой нового этапа в развитии международных отношений. Одновременно этот военный конфликт вызвал глубокое потрясение интеллектуальных кругов России, всколыхнул об-

разованные слои общества: произошло наложение внешнеполитических проблем на благоприятную почву российского общества эпохи перемен. Обострилась борьба по вопросу о будущем «великих реформ» и путях их реализации.

В отечественной исторической науке событиям 1870-1871 гг. посвящен ряд монографических исследований. Особенно стоит отметить работы Л.М. Шнеерсона, Н.С. Княпиной, С.В. Оболенской (1). Эти труды отличаются серьезной проработкой темы исследования, однако основное внимание в них уделяется вооруженному противостоянию в контексте внешней политики России и изменению ее положения в системе международных отношений. Проблеме влияния войны на формирование общественного сознания в России, поляризации интеллектуальной элиты и правящих кругов в ходе военного конфликта уделено значительно меньше внимания. В то же время значимость изучения франко-прусской войны определяется тем, что этот конфликт был первым, широко обсуждавшимся в печати.

В нашей статье мы попытались решить ряд проблем применительно к российскому обществу в период франко-прусской войны:

1. Определить факторы, повлиявшие на трансформацию образа Германии и Франции в процессе войны.

2. Выявить механизмы, с помощью которых отечественные писатели и журналисты внедряли образы воюющих держав в массовое сознание российского общества.

3. Определить степень воздействия печатных изданий на выработку внешнеполитического курса правящей элитой; а также характер влияния этих изданий на формирование общественного мнения.

Позиция Российской интеллектуальной элиты в отношении стран-участниц конфликта, находящая свое прямое выражение в публицистике, характеризовалась крайней противоречивостью. Специфика восприятия была обусловлена прежде всего тем, что Россия не принимала непосредственного участия в конфликте. В то же время руководство Франции в лице Наполеона III рассматривалось в качестве главного архитектора Парижской системы 1856 г. Позиция в отношении Германии накануне войны была менее однозначной, но в целом Германия воспринималась правящей элитой и некоторыми интеллектуальными кругами как надежный союзник (2). Представляется возможным говорить о том, что чем более напряженными становились русско-французские отношения в 60-е гг. XIX в., тем стремительнее происходило сближение позиций России и Пруссии.

В самом начале войны, давая оценку мотивам, которые движут двумя враждующими нациями, коллектив либерального журнала «Вестник Европы» отмечал, что если в основе интереса французского прави-

тельства II империи лежит династический вопрос, а именно укрепление династии путем завоевания левого берега Рейна, то для немцев это вопрос о национальном существовании, поэтому если французы в целом скептически относились к войне, то немцы сами подталкивают свое правительство к участию в конфликте (3).

Причем считалось, что в случае победы Наполеона небольшие европейские государства, такие как Бельгия и Люксембург, не смогут чувствовать себя в безопасности, над всей Европой нависнет тень французского милитаризма. Напротив, с победой Германии ассоциировался подъем демократического и национального движения.

В то же время газета «Санкт-Петербургские ведомости» изначально заняла противоречивую позицию. На протяжении всей войны на страницах этого издания можно было найти как статьи в поддержку Франции или Германии, так и полные иронии заметки, в которых высмеивались обе конфликтующие стороны. Автор одной из заметок описывал энтузиазм, охвативший обе воюющие стороны как неопишущий, и пришел к выводу о том, что французы и немцы в равной степени утратили рассудок (4).

Автору заметки в «Санкт-Петербургских ведомостях» вторил демократический журнал «Отечественные Записки», на страницах которого постулировалось, что текущая война показывает лишь одно, а именно, как недалеко «культурные и цивилизованные» французы и немцы ушли в своем развитии от русских, имеющих определенную склонность к домашним кулачным боям (5).

В самом начале конфликта коллективы «Вестника Европы» и «Санкт-Петербургских ведомостей» отмечали принципиальное различие между отношением к войне французов, кричавших после объявления войны «На Рейн!» (6) и немцев, которые, узнав о своей победе под Мецем, проявили удивительное самообладание (7).

Газеты особенно быстро реагировали на изменения ситуации на фронтах. Уже 13 августа (ст.ст.) 1870 г. редколлегия «Санкт-Петербургских ведомостей» была вынуждена оправдываться в своей передовице перед германской «Санкт-Петербургской газетой», которая обвиняла ее в непоследовательности. Суть обвинений сводилась к резкой перемене симпатий «Санкт-Петербургских ведомостей» с прогерманских на профранцузские. Редакторы газеты на это весьма уклончиво отвечали, что считают необходимым сохранить объективность, так как не являются французами или немцами (8).

На начальном этапе войны все еще сохранялся положительный образ Пруссии как «младшего» партнера России. Кроме того, Северо-германский союз во главе с Пруссией воспринимался в качестве жертвы нападения со стороны Франции, по отношению к которой в России бы-

ли сильны обиды, обусловленные нежеланием последней пересматривать условия Парижского мира, наносившего серьезный ущерб великодержавным чувствам русских.

В сентябре, после битвы под Седаном, позиция газет и журналов не стала более определенной. С одной стороны, в журнале «Дело» напрямую говорилось о том, что с самого момента окончания битвы, когда был разрешен вопрос о лидерстве между Наполеоном III и германским канцлером О. Бисмарком, а Франция обратилась с призывом к миру, война перестала быть для Германии необходимостью, а превратилась в слепое стремление к разрушениям и убийствам (9).

В статье «Германия, цивилизующая Францию», делалось утверждение: «А между тем тевтония так овладела филистерской Германией, что она смотрит и не видит, слушает и не слышит. Она проповедует гуманные начала войны и в то же время рукоплещет таким подвигам, которых бы устыдились ее предки времен Тилли. Какого-то мелочного торговца около Вердена расстреляли за то, что он не умел сказать, где французы, а какую-то старуху даже совершенно неизвестно за что» (10).

В то же время коллектив «Санкт-Петербургских ведомостей» встал на откровенно антифранцузскую позицию, заявляя, что Франция, в сущности, сама заслужила свое поражение, так как, дескать, исторически выступала в Европе в роли поджигателя всевозможных войн и революций. Пруссия же лишь получила заслуженные и притом весьма скромные дивиденды от своего благоразумия, настойчивости, самоотверженности и т.п. Далес французам с нескрываемым злорадством задавался вопрос: «Неужели французы думают, что вторжения Наполеона I в Германию забыты? Конечно, нет! 1807 год произвел 1870. Пруссия никогда не могла примириться с унижениями и бедствиями того времени» (11).

«Санкт-Петербургским ведомостям» вторил «Вестник Европы». На страницах этого издания прямо провозглашалось, что Франция 1870 г. оказалась в схожем положении с Францией 1814 г. Неудачи Франции связывались с отсутствием во главе руководства страны гениальных государственных деятелей наподобие О. Мирабо, Ж. Дантона или великих полководцев. Более того, авторы статьи в «Вестнике Европы» заявляли, что Законодательный корпус 1813-1814 гг. был значительно лучше Законодательного собрания 1870 г., так как он потребовал ограничения власти Наполеона I и без этого ограничения отказывался вставать на защиту Франции (12). Исходя из логики авторов статьи получалось, что Законодательный корпус времен Первой империи был лучше потому, что в критический момент нанес удар в спину полководцу, защищавшему Францию от врагов, наседавших на нее со всех сторон, а аналогичный орган 1870 г. плох лишь потому, что этого не сделал.

В статье «Беседы по поводу прусско-французской войны» в демократическом журнале «Отечественные записки» прямо указывалось: «Нет никакого сомнения, что французская нация легкомысленна, скажем более, безумная нация. В настоящее время это решено, утверждено и подписано, как немецкими, так и русскими публицистами. Как, в самом деле, назвать нацию, которая никогда не может сидеть спокойно, жить в мире с соседями, которая постоянно ищет войны и бросается на всех? Зачем она воевала с Россией? Зачем воевала с Австрией? Зачем воевала с Мексикой?» (13).

Однако авторы на этом не останавливались и заявляли, что все вышеперечисленные «безумные походы» – всего лишь внешние симптомы безумия. Оказывается, самый страшный диагноз для французов заключался в том, что они не умеют «сидеть смиренно дома, в мире и тишине заниматься своими делами и не знать ничего более, как то делают другие нации. Безумие нации проявляется в постоянном раздражении и озлоблении, и оно заставляет ее мешаться во все дела, совать свой нос, куда не следует» (14).

Если еще в сентябре оценка событий «Отечественными записками» заключалась в полном одобрении действий Германии и нескрываемом наслаждении от того, как ловко тевтонский орел ощипал галльского петуха, то уже в октябре она существенно меняется. В роли самой «ожесточенной и бешеной» нации в Европе выступают немцы. Теперь в «Отечественных записках» о психическом состоянии германской нации стали говорить не иначе как о «пароксизме народного умопомешательства».

Особенно, по мнению авторов рубрики «Беседы по поводу прусско-французской войны», вирус бешенства овладел немцами после битвы под Седаном: «Идея о величии Германии, о высоком ее призвании для мира и о ничтожестве в сравнении с нею других народов проникла тогда насквозь всех немцев от Бисмарка до последнего сапожника и портного. Можно представить себе, что должно произойти, когда такая великая идея попала в такие слабые и даже необитаемые ни для каких идей головы. Грязь и зловоние немецкой мысли сделались невыносимыми» (15).

Не менее противоречиво выглядит и позиция «Вестника Европы». Если еще в августовском и сентябрьском номере его позиция была прогерманской, то уже в октябре автор статьи «Война и цивилизация» прямо говорил о «великих принципах маяка человечества – Франции» и о «мрачных кознях врага человечества – Германии» (16). Более того, без тени сомнения заявлялось, что победа Пруссии и объединение «феодално-прусской» Германии приведет ни много ни мало к падению всемирной (читай европейской) цивилизации и к установлению темной

ночи человечества, которую принесет с собой прусская гегемония. В то же время императорская Франция, которую еще пару месяцев назад большинство газет и журналов величали не иначе как оплотом деспотизма и виновницей всех войн в планетарном масштабе, внезапно превратилась в «alma mater» Европы (17).

Очевидно, что метания со стороны русской публицистики в оценках стран-соперниц, особенно в период, предшествовавший осаде немцами Парижа, были обусловлены неоднозначным положением России на международной арене. Правительство Российской империи стремилось к решению противоречивой и потому трудновыполнимой задачи: как ослабить Францию, не допустив при этом укрепления Германии и вернуть себе ведущую роль в европейской политике, утраченную после поражения в Крымской войне 1853-1856 гг.

Осада Парижа, ставшая кульминационной точкой войны, привела к радикализации позиций в отечественной печати. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» не скупилась на описание страданий населения Парижа. В частности, приводились подробные данные о постоянно сокращающемся рационе парижан. Кроме того, сообщалось, что при обстреле Парижа немцы использовали снаряды, начиненные мушкетными пулями. Высказывалось возмущение тем, что пруссаки обращаются с мирным населением, как с противниками на поле боя (18). Здесь прослеживалось очевидное желание вызвать у читателей сочувствие к французам и неприязнь к немцам, забывшим о «законах войны».

В течение января-февраля 1871 г. сюжеты, формирующие образ Германии и немцев, становятся все более грубыми. Так, в январе неоднократно встречаются заявления о том, что «Немцы мастера восхвалять себя; но таковы и другие нации. Только то различие, кажется, есть, что прочие нации, восхваляя себя гласно, в душе сознают, что они плоховаты; а немцы и в душе уверены, что они великолепны» (19). В феврале заявления становятся еще более категоричными. Немцев напрямую обвиняют в том, в их национальном характере преобладает элемент казенщины и дисциплины. Далее делается вывод о том, что если Англию можно считать страной комфорта, Францию – моды, а Италию – музыки, то Германию – страной полиции. «Санкт-Петербургские ведомости» пошли еще дальше и заявили, что немцы ничему не удивляются и не способны оказывать в состоянии патриотического пафоса, так как постоянно в большом количестве пьют пиво (20).

В то же время представляется важным отметить, что в хоре голов, обвиняющих немцев во всех смертных грехах, можно было услышать и совсем иные интонации. Так, например, в одном из февральских номеров либеральной газеты «Голос» была помещена заметка генерала П.В. Анненкова (который во время войны был командирован в Пруссию

для изучения работы железных дорог) о причинах победы пруссаков в подходящей к завершению войне. Без тени смущения генерал писал о потрясающем превосходстве германской организации, а также умственного развития прусских солдат, многие из которых имели высокий образовательный уровень. были привлечены в боевые ряды на основе всеобщей воинской повинности, сторонником которой выступал и сам генерал Анненков. Особых похвал удостоился унтер-офицерский состав германской армии, который, по мнению русского генерала, придал дисциплине прусской армии характер сознательного понимания долга и ответственного отношения к служебным обязанностям, которые необходимы для достижения успеха в войне (21).

В самом конце войны на страницах той же газеты Пруссия, с одной стороны, отождествлялась со львом, который терпит существование маленьких государств по соседству лишь до тех пор, пока не проголодается или не захочет поиграть, а также об ужасах войны, принесенных Пруссией в Европу, а с другой стороны, делался вывод о том, что сила Пруссии заключается в единстве нации и правительства, в широкой поддержке его мер всеми слоями населения (22). Таким образом, пример Пруссии должен был убедить правительства остальных государств отныне полагаться не на силу профессиональных армий, а на поддержку собственного народа.

Восхищение германской военной системой, культурой и цивилизацией, порожденными германским гением, вызывали восхищение и у тех, кого совершенно невозможно было заподозрить в шовинизме и насаждении культа силы, а именно, И.С. Тургенев. С началом войны он безоговорочно поддерживал Германию, заявляя, что она одна способна не много ни мало – спасти европейскую цивилизацию (23). Совершенно непонятно, что побудило великого русского писателя тиражировать тот набор идей, который использовала Германия в своей пропаганде. Исходя из его личных пристрастий и любви к Франции, которая носила притом не абстрактный, а вполне конкретный, почти что личностный характер, он, казалось, должен был поддерживать французов, но, тем не менее, его симпатии к Германии были беспорны.

Позиция автора принципиально не изменилась даже после Седана, когда прусское руководство открыто заявило о своих претензиях на Эльзас и Лорейн. Тургенев лишь заметил, что «немцы поступают необдуманно» и им следовало бы, отказавшись от французских территорий, наслаждаться своей ролью ниспровергателей безнравственной и безобразной деспотии Наполеонидов (24). Даже когда пруссаки опустошали французские департаменты, Тургенев писал П.В. Анненкову о том, что «падение гнусной империи», в сущности, не изменило его симпатий (25). В целом же на протяжении всей войны позиция Ивана Сергеевича

отличалась неоднозначностью. Признавая за Германией едва ли не главную роль в ниспровержении «тирании» Наполеона III, он в то же время писал в феврале 1871 г. Полине Виардо: «Итак. Эльзас и Лотарингия потеряны. пять миллиардов. Бедная Франция. Какой ужасный удар и как оправиться от него? Здесь все полны сочувствия к Франции, но от этого становится только горше» (26).

Не менее противоречивую позицию в процессе войны занимала журналистская команда либерального журнала «Дело». С одной стороны, коллектив журнала на ранних этапах войны признавал за германской стороной оборонительный характер действий, восхищался единением немецкой нации перед лицом общей угрозы и всю вину возлагал на Наполеона, а с другой стороны, как только Германия стала одерживать первые победы и особенно после того, как «главный виновник» войны попал в плен, в отношении народов Германии и Франции, как и в отношении их лидеров, начинают употребляться высказывания, свидетельствующие о попытках руководства журнала сформировать серию идеологизированных представлений в сознании населения России.

Так, например, по отношению к большинству населения Франции и Германии в обиход входит набор высказываний, оскорбляющих достоинство двух великих наций. Усиленно формируется образ безликих масс, которые существуют лишь для того, чтобы набивать свой желудок, склонных к абсентизму и всегда поддерживающих силы рутины и застоя. Немцы и французы отныне предстают в виде «полудиких деревенщин», «тупоумного большинства», а их элита в виде «трусливой и жадной» буржуазии, с одной стороны, и юнкерства, «увлеченного национальным единством», с другой (27).

Достается и лидерам воюющих наций. Бисмарк на страницах журнала предстает в образе прусского Юпитера в генеральских рейтузах, кующего цепи рабства для Франции и собственного народа, а Наполеон III удостоивается «высокой чести» быть приравненным к Атилле, Тамерлану и Чингисхану (28).

При описании немецкой армии в конце войны все чаще используется образ полчищ, разливающихся по территории Франции, которая, в свою очередь, предстает в образе женщины, истекающей кровью у ног завоевателя.

Наконец, отзывы в отношении самой Германии становятся все более резкими: «...кроткая, мечтательная, голубокая Германия, обирающая Францию до последней нитки, аплодирует своему объединителю. Она требует от него не столько славы, сколько контрибуций, она не пренебрегает даже шелковыми платьями и карманными часами, отнятыми у врага, чтобы украсить ими своих невинных Маргарит и Доротей» (29). При этом в момент подписания воюющими державами пре-

лиминарных соглашений либеральная печать с легкой руки окрестила требования Германией 5 млрд. франков теорией Бренна (30). В целом, большинство газет и журналов заявляли о том, что результатом войны стало установление в Европе кулачного права и политической анархии; виновницей этого они называли Пруссию (31).

Очевидно, что на втором этапе войны, после битвы под Седаном, происходит постепенное переосмысление отношения к Пруссии.

При оценке степени влияния публицистики на общественное мнение, а также ее политической направленности, представляется возможным разграничить материалы газет и журналов, с одной стороны, и частной переписки – с другой. Периодические издания изначально отражали либо интересы определенных правящих группировок, либо интеллектуальных кругов, и были ориентированы на формирование «необходимого» отношения к воюющим государствам у образованных слоев населения. Другое дело – письма известных литераторов. Они были адресованы друзьям, деловым партнерам или даже родным и близким, что не предполагало их оглашения в течение многих лет. В большинстве своем письма носили личный, а порой даже интимный характер, не могли выступать в качестве инструмента официальной или оппозиционной пропаганды, так как их авторы в переписке не преследовали политических целей.

Таким образом, применительно к газетам и журналам военного периода представляется возможным говорить о целенаправленном формировании штампов-образов в сознании образованных слоев населения. Другое дело – механизмы формирования этих штампов. Для их понимания необходимо обратиться к психологии русского народа того времени.

В XIX в. для русских было характерно преобладание религиозного сознания с традиционным для христианской традиции сочувствием к слабому и униженному. Оно только усиливалось под воздействием столь свойственного им гипертрофированного стремления к справедливости в сочетании с мессианскими настроениями. К этому стоит прибавить быстрый рост популярности газет и журналов в городской среде пореформенного периода при крайне незначительном критицизме читающей публики в отношении печатного слова.

Поэтому, казалось бы, было достаточно представить в печати Пруссию или Францию воплощением жертвенности и героизма, при этом демонизировав образ одного из противников, и это должно было автоматически вызвать симпатии к другому. Однако на деле ситуация была несколько сложнее. Так, еще в августовском номере за 1870 г. коллектив журнала «Отечественные записки» высказался в том духе, что если бы рядовые обыватели по своей неопытности стали принимать

газетные пересуды за выражение общественного мнения, то они были бы окончательно сбиты с толку в своих попытках разобраться в ежeminутно изменяющихся позициях периодических изданий (32).

Таким образом, налицо была парадоксальная ситуация. С одной стороны, война породила необычайный интерес к периодическим изданиям, а с другой, отношение образованных слоев общества к войне отличалось от стереотипных образов, формируемых печатью. Так, например, коллектив «Санкт-Петербургских ведомостей» провел анализ общественных настроений и выяснил, что в военной среде молодые люди, занимающие младшие и средние офицерские должности, с самого начала войны сочувствовали Пруссии. В то же время высшие армейские чины поддерживали французов и даже после Седана надеялись на реванш со стороны Франции. Среди гражданских чиновников ситуация во многом была схожей (33).

Так что, видимо, министр по делам печати Е.М. Фоктистов не слишком покривил против действительности, когда написал: «Никогда еще наше правительство не находилось в таком разъединении с общественным мнением, как во время разгрома Франции немецкими полчищами» (34).

Вместе с тем, далеко не всегда наблюдалось совпадение «взглядов» руководителей периодических изданий и руководства империи. Как известно, в 1871 г. министр внутренних дел А.Е. Тимашев вызвал к себе виднейших литераторов и, прочитав им лекцию о патриотизме, в конце своего выступления заявил, что «государь не может допустить со стороны нашей печати ни малейшего порицания дружественной нам державы: если по-прежнему вы будете держаться враждебного относительно ее тона, то примите к сведению, что правительство не ограничится угрозами, а прибегнет к суровым карательным мерам» (35).

Однажды Бисмарк заметил, что если бы Россия руководствовалась в 1870 г. чувствами русского народа, то войска царя выступили бы против Германии, и только личные симпатии русского императора заставили взять верх противоположной политике (36). Даже несмотря на то, что Бисмарк мог заблуждаться в отношении симпатий российского общества, его замечание показывает, с одной стороны, силу общественного мнения в России, а с другой – силу правительства Александра II, которое могло себе позволить действовать вопреки мнению ведущих газет и журналов.

В то же время очевидно, что беспокойство со стороны правительства было обусловлено растущей популярностью периодических изданий. Печать все более превращалась в самостоятельную силу, которая не только указывала на основные угрозы, исходящие от соседей России, сознательно и целенаправленно формируя стереотипы в отношении

этих государств у образованных, преимущественно городских, слоев складывающейся российской нации, но и начинала оказывать все возрастающее давление на курс правительства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Шнейерсон Л.М. Россия и Франко-прусская война. Минск. 1976.; Киняпина Н.С. Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974.; Оболенская С.В. Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М., 1977.
2. Милотин Д.А. Из воспоминаний 1870 г. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 169. П. 11. Л. 60.
3. Вестник Европы. № 8. 1870. С. 804.
4. Санкт-Петербургские ведомости. 24 июля 1870.
5. Отечественные записки. № 8. 1870. С. 241.
6. Вестник Европы. № 8. 1870. С. 801.
7. Санкт-Петербургские ведомости. 9 августа 1870.
8. Там же. 13 августа 1870.
9. Дело. № 9. 1870. С. 143.
10. Там же. С. 141.
11. Санкт-Петербургские ведомости. 6 сентября 1870.
12. Вестник Европы. № 9. 1870. С. 387.
13. Отечественные записки. № 9. 1870. С. 125.
14. Там же. С. 125.
15. Отечественные записки. № 10. 1870. С. 265.
16. Вестник Европы. № 10. 1870. С. 843.
17. Там же. С. 843.
18. Голос. 14 января 1871. Сравни: Там же. 27 января 1871.
19. Там же. 25 января 1871.
20. Там же. 7 февраля 1871.
21. Там же. 16 февраля 1871.
22. Там же. 3 июня 1871.
23. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Сочинения. Т. 15. М.; Л., 1968. С. 15.
24. Там же. С. 29.
25. Там же. Т. 8. Письма. 1964. С. 278.
26. Там же. Т. 9. Письма. 1965. С. 19.
27. Дело. № 2. 1871. С. 92-93.
28. Там же. С. 74. Сравни: Там же. № 2. 1871. С. 90.
29. Там же. С. 90.
30. Вестник Европы. № 3. 1871. С. 405-406.
31. Отечественные Записки. № 3. 1871. С. 185-199.
32. Там же. № 8. 1870. С. 243.

33. Санкт-Петербургские ведомости. 15 сентября 1870.
34. Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848-1896. М., 1991. С. 126.
35. Там же. С. 123.
36. Шнейерсон Л.М. Указ. соч. С. 3.

Alexander V. Ladygin

Ladygin Alexander, assistant of the Department of General History of Urals State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26).

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34.

THE FRANCO-PRUSSIAN WAR AND THE RUSSIAN LEGAL JOURNALISM

The article is devoted to determination of the degree of influence of the Russian printed media on the formation of public opinion and developing the foreign policy course of the Russian ruling elite during the Franco-Prussian war of 1870-1871. The author reveals the factors that influenced the transformation of the image of Germany and France during the war, and the mechanisms by which writers and journalists were implemented images belligerent powers in the mass consciousness of Russian society.

Key words: media, journalism, public opinion, mass consciousness, foreign policy, Franco-Prussian war of 1870-1871.

И. В. Неволнина

Неволнина Ирина Владимировна, аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26).

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1939-1941 гг. В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ